

Ковтун Н.В., Ларина М.В.
ОБРАЗ «ПЕРВОГО ВОЖДЯ»
В ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА ШАРОВА:
МИФОЛОГИЯ И СИМВОЛИКА ©

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия, nkovtun@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу темы Октябрьской революции, ее вождей в прозе В. Шарова. Автор помещает не только фикциональных героев в специфически трактуемый исторический нарратив, но и изображает общественных деятелей, одержимых мистическими идеями. Одна из ключевых фигур в этом ряду – Ленин, представленный как полусвятой безумец, стремящийся уничтожить мир и тем спасти его. Обыгрывая, остраняя известные мотивы, образы, «ленинина» Шарова наполняется актуальными смыслами, выступает предостережением от любых попыток переделки мира и человека по воле очередного вождя.

Ключевые слова: В. Шаров; Революция; Ленин; утопия; мифология.

Поступила: 25.04.2021

Принята к печати: 31.05.2021

Kovtun N.V., Larina M.V.
The image of the “first leader” in Vladimir Sharov’s prose:
mythology and symbolism ©
*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russia, nkovtun@mail.ru*

Abstract. The paper analyses the theme of the October Revolution and its leaders in V. Sharov’s prose. The author places not only fictional characters in a specifically interpreted historical narrative, but also depicts public figures obsessed with utopian

© Ковтун Н.В., Ларина М.В., 2021

© Kovtun N.V., Larina M.V., 2021

ideas. One of the key figures in this series is Lenin, presented as a half-holy madman who seeks to destroy the world and thereby save it. Playing on well-known motives and images, Sharov's 'Leniniana' is filled with actual meanings, acts as a warning against any attempts to remake the world and man at the behest of the next leader.

Keywords: V. Sharov; Revolution; Lenin; utopia; mythology.

Received: 25.04.2021

Accepted: 31.05.2021

Введение

Изучение, мистификация и мистериоризация событий Октябрьской революции – одна из основных тем, развиваемых писателем и историком Владимиром Шаровым. Автор размышляет об особенностях исторического пути России, о фатальной ошибке, ставшей причиной многих национальных трагедий. Вопрос судьбы как пути и трагической ошибки Руси-Тройки, свернувшей со столбовой дороги в тупик, занимает многих отечественных художников: от Н. Гоголя, Ф. Достоевского до А. Солженицына, В. Сорокина и В. Шарова. В творчестве последнего, однако, именно *ошибка*, случайный поворот становится ключевым событием сюжета: «Ошибка оказывается много существеннее правильного ответа, именно она и наделяется приоритетом первородства» [Бавильский, 2020, с. 372]. Художник пытается осмыслить проблему через призму важнейших идеологических концепций, утопических теорий, лежащих в основании российской государственности, национального самосознания. В чем миссия России в мировой культуре? Каковы эпистемы, определяющие своеобразие ее развития?

В этой связи особенно важен взгляд писателя на *феномен «вождя»* – пристрастие русского человека к центральной власти и ее отождествление с конкретным историческим лицом, мифологизация которого становится неотъемлемой частью культуры. В творчестве В. Шарова прием мистификации образа вождя достигает, казалось бы, абсурда, превращая саму историю в трагифарсовое действо во главе с полублаженным, трикстером, наделенным взаимоисключающими качествами святости и сатанизма, наивности и визионерства, стремлением к самопожертвованию и первобытной жестокостью.

Одним из таких вождей и становится Ульянов (Ленин). Официальный ленинский миф – важнейшая составляющая мифоистории

Революции – прочитывается в этом контексте как вариант «*мифа о спасителе*», реализуется в идеологемах самого «*человечного человека*» и «*вождя мирового пролетариата*». А. Венков подчеркивает, что в Советской России «светлый образ Ленина» должен был сопровождать человека с раннего возраста и до конца жизни [Венков, 2019, с. 32–45]. Советская литература выступала репрезентацией власти: «Эта репрезентативная функция нигде не проявлялась столь полно, как в демонстрации вождя. Канонизация и мифологизация вождей, их героизация входят в генетический код советской литературы», – пишет Е. Добренко [Добренко, 1993, с. 74]. Параллельно с традиционным ленинским мифом формируется антими́ф, в котором вождь выступает бесом, демоном, теоретиком насилия, разрушившим старую Русь, уничтожившим ее народ-богоносец.

В каждый из культурных периодов меняются знаки, оценки образа вождя, но это то «святое место», которое никогда не пустует, оставаясь конституционным признаком советской культуры, массового сознания в целом. В начале 1920-х гг. культ Ленина прочитывается очень разнообразно, ибо многолика сама словесность этого времени. Общий акцент делается на простоту Ленина, который и для пахаря, и для пролетария «свой». А. Луначарский рассуждает: «Часто говорят, что Ленин внешним образом был невзрачен и зауряден. В этом есть известная правда, но в общем это вздор» [Луначарский, 1980, с. 62]. В 1930-е тему Ленина стали развивать не через призму различных эстетических доктрин, как в 1920-е, но в соответствии с точкой зрения «второго вождя» – Сталина. Каноническое изображение Ленина опирается теперь на работы Сталина, воспоминания Н. Крупской, известный очерк М. Горького [Оружейников, 1934, с. 68]. Разрабатывают и скульптурные решения образа вождя, который лишается «индивидуалистской роскоши», подчеркивается его монументальность, эпичность. В 1960-е ортодоксальная советская словесность имеет уже целый «пантеон» революционных вождей, который постоянно уточняется, дополняется, но на его вершине остается Ленин. Авторы шестидесятники, пережившие разоблачение культа личности Сталина, обращаются к мифологическому образу «дедушки Ленина», друга, товарища – «своего» среди своих, что во многом напоминает практику 1920-х. Сегодняшняя проза, напротив, актуализирует inferнальный образ «первого вождя»: «Пирамида» Л. Леонова,

рассказы Т. Толстой («Крутые горки», «Чужие сны» и др.) [Грещилова, 2018].

Образ вождя, развиваясь в противоположных направлениях, разнообразных контекстах, остается при этом специфическим маркером каждой эпохи: «Эпохи соединялись в фольклорном сознании по принципу механического перечня “вождей”» [Кукулин, 2020, с. 429]. Такая форма непрерывной репрезентации образа Ленина, не сводимая к культу его личности, получает в культурологии название «лениниана». Важная особенность ленинианы во всех ее проявлениях – нарочитая *квазирелигиозность* образа вождя как коммунистического мессии. Отрицающий религию и церковников Ленин сам становится частью советского религиозного симулякра, его основанием. М. Чегодаева подчеркивает, что жестокость, ярость, с которой большевики после прихода к власти расправлялись с православием, весьма напоминала межконфессиональные противоборства: «Борьба с религией в СССР по существу являлась непримиримой борьбой *победившей* религии, утверждающейся в качестве господствующей, с религией *побежденной*» [Чегодаева, 2007, с. 541].

«Лениниана» В. Шарова: идеология и поэтика

Восприятие вождя в парадигме *святого подвижника коммунизма* получает принципиально новое толкование в творчестве В. Шарова. Тему Ленина писатель разрабатывает в романах «До и во время» (1988–1991, опубликован в 1993), «Старая девочка» (1998), «Будьте как дети» (2001–2007). Последний текст представляется наиболее репрезентативным. Название отсылает к известной цитате из Нового Завета: «И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не **будете как дети**, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3), и к учению патрофикации Н. Федорова, важнейшему для понимания творчества В. Шарова в целом, где заповедь получает новое толкование «Будьте как дети своих отцов». В заглавии романа подчеркнута связь не только с библейской образностью, но и с вечным стремлением русского человека искупить историю, выйти из времени в вечность, построить лучший из миров на земле.

Интерес автора к религиозной составляющей образа Ленина не случаен, писатель разворачивает свою версию культурной и политической истории России, в которой немаловажное место занимает концепт верховной власти, ее самосознание и репрезентация в культуре. В собственных художественных текстах В. Шаров создает своеобразную «лениниану», опираясь на идею сакрализации власти и ключевую концепцию русского мира «*Москва – Третий Рим*». Свое понимание исторического пути страны он предельно четко формулирует в многочисленных эссе. В одном из них – «Между двух революций (Андрей Платонов и русская история)» – автор выделяет важнейшие тезисы, нашедшие отражение и в его романах.

Для понимания специфики русской истории художник считает важным учитывать образ русского человека, определившийся в Средние века. Монастырские книжники XV–XVI вв. ставили Россию в центр мироздания, что и воплотилось в доктрине «*Москва – Третий Рим*». В. Шаров предпочитает, однако, перефразировать ее в «*Москва – второй Иерусалим*», в этом контексте для него актуально и «*Сказание о князьях Владимирских*». Для русского мира характерна обращенность к концу времен – отсюда эсхатологичность романного мира самого автора. Россия – новая Святая Земля, русский народ – «единственный независимый, сохранивший истинную веру, новый народ Божий» [Шаров, 2009 б, с. 17]. Физическая и духовная обособленность России, вечное ощущение «заброшенности и одиночества» демонстрируют ненужность каких-либо компромиссов с окружающим миром, лежащим во грехе.

Писатель подчеркивает: нарочитая антигосударственность самой доктрины, ставшей основой русской власти, породила две ее трактовки – *официальную* и *сектантскую*. С одной стороны, Христос не придет, пока весь мир не станет Святой Землей (т.е. не попадет под власть Московского государя), с другой: «Мы живем при конце последних времен и ждать осталось недолго» [там же, с. 20]. Пафос строительства нового мира, окрасивший культуру рубежа XIX–XX вв., воодушевливший революционеров, требовал размежевания с миром старым: «Мы наш, мы новый мир построим». Гностическая мифология, ключевая в русском старообрядчестве, вызывает интерес у вдохновителей пролетариата, прежде всего Ленина и Бонч-Бруевича [Эткинд, 1998, с. 631–675]. «Староверы – особенно бегуны – взыскуют апокалипсиса, жертвы и утопического

пресуществления мира сего, большевики в версии Шарова – именно в своей практике террора – дают им чаемое, но не существуют без этого мотора альтермодерна» [Надточий, 2020, с. 548].

Ленин, представляющий верховную власть, изначально опирается на «сектантскую» трактовку доктрины, активно интересуется идеологией крайних старообрядческих сект, выбирает революцию как сознательный «поход к добру». Исходя из логики, что революция – мессианское движение с целью спасения, распространения истинной веры, Ленин и партия рассматривают коммунизм как *вариант религии*. К концу жизни вождь остро ощущает неверность такого выбора, душевную грязь и духовную нищету пролетариата, не достойного звания мессии, ибо он не в состоянии спасти даже самого себя, не говоря уже о том, чтобы привести к добру, благоденствию мир.

Ленин, описанный в эссе «Между двух революций», разочаровывается в увязнувших в пороке, насилии рабочих, в партии, идее коммунизма. Он понимает, что и сам творит насилие, но не видит иного выхода. «Если палка долгое время насильственно согнута, <...> чтобы вернуть ее в первоначальное состояние <...> надо немалое время, и, главное, тоже насильно ее гнуть (народ, рабов, женщин, пролетариат) в противоположную сторону. Иначе ничего не получится» [Шаров, 2009 б, с. 16]. Особенность русской власти В. Шаров видит в глубокой убежденности, что все, даже самые сложные проблемы, можно решить одним ударом. Так рождается идея *революционного террора*. Ленин пытается отказаться от принципов поступательного исторического движения, «пойти по иному пути», что и отражается в избранной им стратегии *трикстера*, не раз становящейся предметом специального анализа: «Ленина роднит с трикстером уже то, что он, будучи революционером, как и трикстер, является изменителем мира и культуртрегером. При этом новый мир творится посредством хитрости, трюка» [Абрамян, 2005, с. 69].

Образы пророков и ведунов революции

В романе «Будьте как дети» вождь уже напрямую общается с Богом, но долгое время не может собраться с мыслями, понять, что Господь хочет от него. Эта же необходимость проникнуть в

высший замысел о мире, собственное предназначение, найти путь, ведущий к постижению тайны мироздания, движет Лениным в романе «До и во время». Повествование ведется от лица рассказчика – «опытного журналиста» Алеши (парафраза к образу Алеши Карамазова Ф. Достоевского), известного популярными «книжками о Ленине». Герой, пережив черепно-мозговую травму, страдает расстройством памяти, что открывает перед ним перспективу самопроизвольного заполнения «слепых пятен», образовавшихся в сознании. Оказавшись в психиатрической больнице, он начинает вести записи рассказов больных, чтобы обделенные судьбой люди остались в памяти других людей¹.

Русская история, записанная в сумасшедшем доме ненадежным повествователем со слов страдающих психическими заболеваниями пациентов, оказывается по-особенному актуальной: лишённая привычных клише, «вывернутая», она позволяет составить личное представление о минувшем. Нарратор не стремится к правдивости изложения, но видит свою задачу в сохранении текстов как таковых, ибо других примет бытия пациентов, уходящих с ними советских реалий, просто нет. В известном смысле рассказчик – восприимчив «Философии общего дела» Н. Федорова, жаждавшего воскресения ушедших поколений. В ряд одержимых идеей искупления мира вослед философу вписаны имена Ленина, Сталина и А. Скрябина, музыка которого отличается масштабностью метафизических притязаний². В тексте фантазмагорические приключения композитора в основе своей имеют реальные факты. В. Шаров активно обращается к воспоминаниям современников великого музыканта, подчеркивает «документальную основу характера Скрябина, в изображении которого пересекаются важнейшие темы романа: память, безумие и гениальность» [Димова, 2020, с. 556]. Как в «Мистерии» А. Скрябина, в учении Н. Федорова ожидание новой эпохи Св. Духа носит предельно активный характер, мышление философа, по определению Н. Бердяева, «было очень социальным» [Бердяев, 1992, с. 234]. «Социальный и метафизический

¹ Автор возводит модель такого письма к «Синодику опальных» Ивана Грозного.

² Близость мистических чаяний композитора глобальной утопии Федорова отмечал уже С. Булгаков в известной книге «Свет невечерний» [Булгаков, 1996, с. 101].

проект шли на тот момент рука об руку, и Николай Федоров – фигура замечательная в плане соединения физического и метафизического, социального и сакрального», – замечает современный исследователь [Попкова, 2016, с. 74].

В романе «До и во время» мадам де Сталь, олицетворившая идею мировой революции, вечную женственность – Софию [Ковтун, 2011, с. 53–70], остро чувствует близость *федоровцев*, *большевиков* и *мистической «секты» А. Скрябина*. В. Соловьев, Иоанн Кронштадтский и Драгомиров «единогласно предложили Скрябину возглавить федоровцев, стать их вождем» [Шаров, 2009 а, с. 253]. В своем главном произведении – утопической «Мистерии» – композитор сочетает музыку, жесты, запахи, краски, стараясь передать стихию бытийности. Произведение назначено уничтожить Вселенную, открыть «новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали». Современные исследователи наследия композитора отмечают: «“Преображение мира” грезилось ему событием необходимым и по-своему праведным» [Федякин, 2016, с. 354]. В романе Первую мировую войну Скрябин принимает восторженно как открытие пути к всеобщей гибели, к осуществлению Мистерии. Конец света, террор, уничтожение миллионов в логике его любовницы и единомышленницы мадам де Сталь – залог нового бытия, условие подлинного воскресения человечества в том числе усилиями федоровцев.

Описание встречи Скрябина и Ленина в романе иронически развернуто в сторону известных библейских сюжетов. Оно дублирует как встречу Иисуса с рыбаками: «Он гулял по берегу озера, увидел в лодке Ленина с Зиновьевым и, решив, что это швейцарские рыбаки, стал им проповедовать, как Христос рыбакам галилейским» [Шаров, 2009 а, с. 258], так и историю Иоанна Крестителя: «Он, как Иоанн Креститель – Христа, должен был найти и благословить Ленина» [там же, с. 260]. По логике романа ряд революционеров открывает фигура Христа, явившегося к людям для разграничения добра и зла, на что человечество оказалось не способно. Ленин и Скрябин общаются «каждый день ровно четыре недели, проводя вдвоем время от обеда до глубокой ночи». Композитор исполняет свою «Мистерию» только для Ленина. Подчеркивается исключительность ситуации: оба дорожат временем, проведенным вместе, при этом Ленин никогда «не слушал и не понимал современной

музыки», значит, у него «должны были быть веские основания, чтобы так резко изменить жизнь» [там же, с. 261].

Скрябин не просто исполнял «Мистерию», он «давал подробнейшие объяснения – как, где и когда она должна быть поставлена» [там же, с. 261]. Затем все записи музыкального произведения исчезают без следа, буквальным постановщиком «Мистерии» должен стать Владимир Ильич, переложивший нотные записи на язык тайного шрифта. «Скрябину дано было знать, что он не получит благословения стать мессией; намерения высших сил изменились, их выбор теперь остановился на Ленине. Ленин и поведет народы земли ко всеобщей гибели, дабы потом они, очищенные огнем и смертью, могли воскреснуть и возродиться вновь» [Шаров, 2009 а, с. 261].

В этой надежде на «воскрешение отцов» большевики и федоровцы оказываются особенно близки. Известное выражение о том, что Ленин разыграл события революции как по нотам, приобретает буквальный, характер. Скрябин же предупреждает преемника о необычайно капризном, женственном нраве революции, справиться с которым может только жесткая, brutальная сила: «Это террор; он есть терзающее, распинаящее начало, неутомимое, вездесущее, сексуальное, которое я искал» [там же, с. 271]. По свидетельству современников, А. Скрябин остро чувствовал собственную раздвоенность, близость к образам Люцифера, Прометея, удаленность от идеи Христа, что отразилось в его музыке [Лобанова, 2012, с. 103–114]. В романе связь России и террора окрашена эротическими переживаниями, прочитывается как отношения женщины и мужчины, жертвы и палача, Иисуса и Пилата. Ради стремления доказать чистоту, верность и преданность ЧК Россия отдает на расправу своих детей, наконец, гибнет сама. Мифическую историю страны обрамляют мотивы Потопа, Всемирного шествия, Апокалипсиса.

Образ Ленина в романе «Будьте как дети»

Сакральный контекст событий революции доминирует и в более позднем романе «Будьте как дети». Мотив предстояния пред Богом, вплоть до непосредственного контакта с Всевышним, развивается через образы «праведников», одним из которых пред-

ставлен Ильич. Это обстоятельство, по В. Шарову, корреспондирует с традиционным для Руси восприятием фигуры правителя (советского в том числе) как святого. В романе Ленин понимает, что избран Богом, чтобы завершить извечный русский «поход к добру», но его попытка наставить нового мессию – пролетариат – на верный путь терпит крах, «званные» не становятся «избранными». Утопический образ коммунизма как «рая на земле» в сознании Ильича уступает место христианской идее спасения, но не в вечной жизни, а на земле, что отсылает к мотиву Второго пришествия, завершающего историю.

В основе романа – несколько сюжетных линий, объединенных как *образом рассказчика*, выступающего то действующим лицом произведения, то нарратором, записывающим чужие истории, так и сквозными мотивами *крестового похода* детей на Иерусалим и *возвращения в детство*. Повествование охватывает два временных отрезка: последние четыре года жизни Ленина и 1960-е годы XX века. Сложная нарративная структура произведения позволяет объемно, с разных ракурсов продемонстрировать образ вождя, на котором сходятся основные повествовательные линии. Впервые рассказчик говорит о Ленине, его призвании в начале текста. Герой переживает душевное расстройство, находится в больнице им. Кащенко вместе со специалистом по отечественной истории Александром Васильевичем Фарабиным¹, изучающим последние годы жизни вождя. Пошатнувшееся душевное здоровье нарратора только облегчает ему задачу восприятия хаотичной, предельно запутанной русской истории, не постигаемой в обычной логике: «Моя болезнь, может быть, вообще не проклятие, не приговор... наоборот: мне дана отмычка, без которой ничего не поймешь» [Шаров, 2017, с. 116]. Герои обсуждают превратности русской истории, и Фарабин делится с собеседником своими выводами: «Медленно, не спеша, он рассказывает нам о человеке, отчаянно, иногда просто до безумия боящемся повторить ошибку. Хотя после двух инсультов Ленин так и не оправился – речь, например, утрачена

¹ В имени персонажа-историка, видимо, содержится отсылка к образу восточного мудреца, философа, математика, теоретика музыки – аль-Фараби, толкователя Аристотеля (чем объясняется его почетное именование «Второй Учитель») и, что важно для утопического контекста, – Платона.

полностью, – в нем прежняя вера и прежняя решимость нас спасти. Как – он пока не знает» [Шаров, 2017, с. 116].

Согласно представлениям рассказчика-историка, глубоко больной Ленин, предчувствующий приближение смерти, возвращается к идее спасения в вере, принимает свой удел избранника Бога: «Никакой улицы с односторонним движением. Он не блудный сын, возвращающийся к отцу, не грешник, из последних сил вымаливающий спасение. На путях промысла Божия роль Ленина по-прежнему велика, и Господь это не забывает» [Шаров, 2017, с. 116]. Вождь напрямую общается с Всевышним, но не всегда понимает данные ему знаки. Исключительный путь Ленина – путь постепенного возвращения к истокам, в детство, когда при кажущейся беспомощности (Ильич перестает ходить, говорить, слабеет разумом) ему открывается тайна духовного зрения. В известной степени эта логика сближает образ героя с *юродивым*, в котором черты наивности и глубинной мудрости взаимодополняют друг друга.

Новый, религиозный путь для Ленина означает неминуемый разрыв с партией и пролетариатом. Сам Бог требует от вождя отступничества, объясняя, что «ждет Ленина не с рабочими». В тексте важен образ партии как ребенка Ильича, партия растет и развивается перед глазами вождя, под его чутким руководством: «Для него она была даже больше собственного ребенка, ведь пуповину он никогда не обрезал. За два десятилетия они так друг в друга проросли, что он и думать боялся, что однажды она останется без него. Партия держала его своей безоглядной преданностью, абсолютной властью над собой» [там же, с. 121]. Каждый новый Божий удар, однако, отбрасывает и самого Ленина в глубокое детство, пока он не начинает осознавать, кто есть истинные «дети», чистые и невинные, готовые спасти Россию. Важнейшим эпизодом в этой истории становится момент, когда Ленин видит в изъятом архиве генерала Корнилова штабные карты, изрисованные младенческими ликами.

В рассказах Фарабина фигура вождя настойчиво помещается в парадигму *русских праведников*, страдающих о роде людском: «Бога он часто жалел и об Адамовом племени тоже печалился; в сущности, он был готов плакать о каждом. В слезах, будто слепой, выставив перед собой руки, он искал и искал выход, по-прежнему верил, что он есть» [там же, с. 122]. Соотношение с образом мла-

денца, особая слезливость Ильича отсылают к дару «*благодати слез*», характеризующему бытие святого. Переживание умиления в агиографии предполагает духовное освобождение, душа утрачивает защитную оболочку и возвращается к первичной чистоте. В этом смысле слезы спасительны «даже не как искупление греха, но как средство против него. Здесь традиция житийного и, шире, аскетического освящения “неизъяснимого чуда слез”» [Берман, 1982, с. 171]. Богословы благодать плача признают следствием смирения и духовного воскресения. Так и Ленин, в логике Фарабина, – блаженный подвижник, постепенно осознающий свою роль духовного устроителя мира.

Вторая нарративная линия о Ленине связана в романе с записанными рассказчиком лекциями учителя Ищенко, которые тот прочитал в Третьем интернате. Ищенко, как и Фарабин, тщательно изучает последние годы жизни вождя и делится своими наблюдениями с учащимися. Главная отличительная черта детей, воспитанников интерната, – это те или иные особенности развития, на что учитель и делает упор, сравнивая их с организованной в свое время Лениным коммуной, состоявшей из таких же страдающих, невинных детей. Лекции, сюжеты которых перекликаются с рассказами Фарабина, становятся инструментом сближения времен, прошлое проступает в настоящем. Такой прием, когда исторические эпохи просвечивают сквозь друг друга, как слои в пейзаже мироздания, – ключевой в текстах В. Шарова [Реди, 2020, с. 396–424]. Автор выступает в роли *реставратора*, снимающего слой за слоем,двигающегося в глубь «пейзажа».

В своих лекциях Ищенко меняет акценты в интерпретации сложных отношений Ленина, пролетариата-мессии и Всевышнего. В отличие от Фарабина, он считает, что не вождь оставил рабочих, но они сами предали Ильича. Последний верил в их исключительность, искренность, чистоту, однако пролетарии оказались глубоко порочны. Тогда изначальная цель революции – построить свободный от зла и греха мир – оказалась нереализуема при любом усилии партии и пролетариата. В повествовании Ищенко Ленин обретает черты библейского пастыря, который должен вести к высокой цели, но не имеет представления, кто должен следовать за ним. По сути, это проблема поиска и обретения *избранного народа*.

В описании личной жизни Ильича все отчетливее проступают библейские аллюзии, делается акцент на бездетности Ленина и Крупской, в частности, когда вождь начинает размышлять о детях и их роли в спасении: «Первый раз Крупская смолчала, а через год заметила, что ей тогда уже не родить. Он стал гладить ее по волосам, но сцена вышла фальшивой, и Ленин не удержался и сказал: “Вспомни Сарру”. Крупская расплакалась, но по привычке скоро простила его» [Шаров, 2017, с. 132]. Ильича особенно волнует тот факт, что у первочеловека Адама не было детства, следовательно, не было и взросления как пути ко греху. Перволюди, однако, совершили грехопадение, и с тех пор все попытки вернуться к первобытному, райскому состоянию безуспешны.

В контексте моделируемой в романе биографии вождя удар, случившийся с ним 25 мая 1922 г., представлен как «начало ухода из взрослой жизни», полной гордыни, греха. Ленину приходится учиться всему заново, он, в прямом смысле, превращается в младенца, одновременно у него зарождается идея о *детском походе на Иерусалим*. Теперь он понимает, из кого стоит создавать новое «ополчение», уверен, что для вхождения в детский мир, нужно и самому стать ребенком. Вождь перестает противиться происходящим с ним изменениям, открывает их провиденциальную логику. Он периодически теряет слух, немеет, но не отчаивается, ибо «слова – плохой инструмент». Череда испытаний, ниспосланных свыше, приводит героя к убеждению, что идти на Иерусалим должны исключительно слепоглухонемые дети, лишенные греха слуха и зрения. Парадоксальность этого заключения не снимает напряженности ситуации, ее трагизма.

Подчеркнем, в романе обыгрывается не только библейская образность, но и элементы отечественной утопической традиции, в соответствии с которой строительство «рая на земле» суть *детское дело*. Идея находит широкое воплощение в произведениях К. Мережковского, Ф. Гладкова, М. Горького, А. Платонова [Ковтун, 2013, с. 129–140]. Тексты последнего В. Шаров особенно ценил, прочитав их через призму федоровской «Философии общего дела». В романе «Будьте как дети» глубоко больной Ильич остается верен и сектантской трактовке концепции «Москва – второй Иерусалим», но теперь убежден, что «всемирная революция – революция детей» [Шаров, 2017, с. 156]. Эта идея отвечает глубин-

ному тезису о русском народе как «детском», который всегда готов к актуализации, переделке / перевоспитанию вождем. Поворотным эпизодом становится в романе встреча Ленина с мальчиком-«руководителем», который без слов понимает затею вождя и дает ему советы по организации крестового похода: идти должны лишь круглые сироты, которые будут держаться за руки и петь. Автор обыгрывает мотив *сиротства* – ключевой для советской литературы, когда на место родовых отношений пришло «коммунистическое братство», «руководители советского общества сделали “отцами”» [Кларк, 2002, с. 102]. В. Мильдон считает «комплекс сироты» важнейшим для понимания судьбы русского человека в целом, занятого поиском идеи Бога [Мильдон, 1994, с. 50–58].

Ленин обретает черты пастыря, библейского Моисея, параллель с образом которого только усиливает абсурд ситуации. Ильич собирает детей по всей стране, составляет для слепоглохонемых «поверстную карту запахов», разрабатывает новый язык из названий блюд детдомовской кухни, и, окончив эти приготовления, замечает: «Перед Исходом из Египта, чтобы умножить народ, идущий в Святую землю, жены Израильские плодились, не жалея сил – вынашивали по шесть младенцев зараз. Получается, что мы потрудились не хуже. – И добавил: – Может, кто и дойдет» [Шаров, 2017, с. 165]. Затеею Ленина прерывает очередной приступ болезни, в это время вождь получает новые откровения. Подчеркнем, «карта запахов» Ильича иронически развернута как в сторону синестезийных экспериментов А. Скрябина в романе «До и во время», так и в сторону знаменитых «Путешественников» к Беловодью, история которых восходит к старообрядческой секте бегунов, хорошо известной В. Шарову [Шаров, 2000]. «Путешественники» писались якобы «очевидцами» и носили откровенно авантюрный характер [Чистов, 1967, с. 239–290].

В соответствии с логикой сектантского лидера Ленин в романе начинает перетолковывать Евангелие, он считает, что человечество можно было спасти и раньше, если бы в жертву за грехи мира себя принес не взрослый Христос, но Христос-ребенок: «Споры с фарисеями, чудеса, исцеления, даже смерть на кресте и воскресение – все это было бы необязательным, останься Сын Божий младенцем, как и их – Его жертва была бы полнее и род Адамов был бы уже спасен» [Шаров, 2017, с. 173]. Этот вывод стано-

вится ключевым для переосмысления Лениным роли коммунаров. Они уже не воины, идущие в Крестовый поход за правую веру – коммунизм, не богомольцы-паломники, но жертвы за грехи мира. Вождь решает разыграть и заново поставить историю Вифлеемских младенцев – раз Христос тогда не умер, то нужно еще раз найти невинных, которые готовы пострадать во имя спасения мира. Ситуация, когда представление, розыгрыш, осуществляемый со всей страстью и упорством, вытесняет, заменяет собой историю, – традиционный прием в поэтике В. Шарова, блистательно воплощенный еще в «Репетициях» (1988).

В романе «Будьте как дети» он реализуется в эпизоде празднования Рождества в Горкинской коммуне: «Ровно в одиннадцать часов вечера <...> сестра Мария Ильинична, взобравшись на стул, укрепила на макушке дерева Вифлеемскую звезду, которая должна была указывать им путь в Святую землю. Тут же, будто по команде, все захопала в ладоши, бросились целовать, поздравлять друг друга. В эту минуту не одной Крупской стало ясно, что Ленин окончательно сжигает за собой мосты, что он решил и торжественно объявляет, что вот его коммунарский отряд и он лично готов вести его в Святую землю» [Шаров, 2017, с. 180]. Горкинский отряд состоит уже не из слепоглухонемых сирот, но из детей – родственников партийных работников и крестьян ближайшей деревни, большая часть из которых беженцы из Латвии. Вождь лично организует из них еще один отряд – Латгальский. Крестьяне требуют от Н. Крупской принять в коммуну Господа Бога, так как «Он явный трудовой элемент: создал солнце, землю, самого человека», латыши же выдвигают кандидатуру Божией Матери, потому что «Дева Мария уж больно милостива <...> Иметь такого человека в коммуне им было бы очень полезно» [там же, с. 205]. Отряду, однако, не суждено выступить, ибо главный режиссер разыгрываемого спектакля умирает. Смерть вождя – одновременно и физическая, и символическая – уже не только связывает его образ с библейским пастырем, но превращает в жертву во имя будущего спасения человечества.

В романе после смерти Владимира Ильича латышские стрелки награждают его новым статусом, устраивая символические похороны Ленина-ребенка: «...комсомольцу Артурусу Скальцнису было поручено сколотить ковчег на манер символического гроба с

Христом, который носят во время крестного хода на праздник Обретения плащаницы. Сделать его небольшим: в длину всего вершка в три, как будто не для взрослого человека, а для вчера родившегося ребенка» [там же, с. 209]. В соответствии с традицией образ Ленина в финале произведения обретает черты Христа: «Прежний Ленин должен был умереть, быть зарыт в землю, чтобы мог воскреснуть, народиться новый Ленин. Ленин-дитя, который поведет их в святую землю» [там же, с. 211]. В. Шаров обыгрывает один из ключевых мотивов поздней советской «ленинианы», в соответствии с которым подлинная жизнь Ленина как подвижника началась после его смерти. Мотив бессмертия вождя связан с вневременностью его рождения: «Ленин наделен не только нечеловеческим рождением. Самое это рождение отчетливо проецируется в поэтической лениниане на христианскую традицию» [Добренко, 1993, с. 101]. Прощание с вождем в его земной ипостаси сопровождалось роскошной стилизацией библейских сюжетов: рыдающие младенцы, падающие навзничь матери, полчища у гроба.

Заключение

Итак, поэтические, стилевые решения, связанные с разработкой образа вождя в романах В. Шарова, несмотря на всю мифичность и фантазмагоричность, рождают ощущение глубинной укорененности в русской культуре, где и сама революция была спроектирована во многом с помощью художников. При этом писателя интересуют не магистральные, описанные в учебниках, перипетии отечественной истории, но ее «боковые ответвления, никогда не получившие развития» [Быков, Шаров, 2007]. Художественная реализация неслучившихся, «ошибочных» сюжетов парадоксальным образом высвечивает перспективность современности, в которой становятся возможны новые, свободные от канонической предрасположенности, прочтения.

Автор подает образ Ленина в широчайшем контексте библейских мотивов, национальных мифов и утопий. «Поскольку персонажи Шарова живут русской историей, они воспринимают свои жизни как библейские сюжеты: попытки найти землю обетованную, освободить избранный народ от рабства или вызвать пришествие Христа. Настоящие жизни, настоящая история проживаются

как библейская экзегеза» [Горски, 2020, с. 506–507]. Обыгрывая, остраниая известные мотивы и образы, пародийная «лениниана» В. Шарова наполняется актуальными смыслами, додумывается читателем, постигается заново, выступает предостережением от любых попыток переделки мира и человека по лекалам очередного вождя.

Список литературы

- Абрамян Л.* Ленин как трикстер // Современная российская мифология / сост. М.В. Ахметова. – Москва : РГГУ, 2005. – С. 68–88. – (Традиция-текст-фольклор : типология и семиотика).
- Бавильский Д.* Ниши Шарова // Владимир Шаров : по ту сторону истории : сб. статей и материалов / под ред. М. Липовецкого и А. де Ля Фортель. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – С. 370–396.
- Бердяев Н.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Мыслители русского зарубежья : Бердяев. Федотов. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – С. 43–271.
- Берман Б.И.* Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья : сб. ст. – Москва : Наука, 1982. – С. 159–183.
- Булгаков С.Н.* Тихие думы. – Москва : Республика, 1996. – 508 с.
- Быков Д., Шаров В.* Что случилось с историей? Она утонула : Владимир Шаров о политике заслонок, золотом миллионе и эволюции шук [интервью] // Русская жизнь [электронный журнал]. – 2007. – 08.06. – URL: <http://rulife.ru/old/numberin/arihiv/5/> (дата обращения: 10.05.2021).
- Венков А.* Образ В.И. Ленина и его трансформация в советском художественном кинематографе // Новое прошлое. – 2019. – № 1. – С. 32–47. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-v-i-lenina-i-ego-transformatsiya-v-sovetskom-hudozhestvennom-kinematografe> (дата обращения: 02.03.2021).
- Горски Брэдли А.* Шаров и правда, или Путь Гоголя // Владимир Шаров : по ту сторону истории : сб. статей и материалов / под ред. М. Липовецкого и А. де Ля Фортель. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – С. 501–533.
- Грешилова А.* Мифы о Петре I и Ленине в прозе Т.Н. Толстой // *Litera*. – 2018. – № 4. – С. 119–123. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mify-o-petre-i-i-lenine-v-proze-t-n-tolstoy> (дата обращения: 02.03.2021).
- Димова П.Д.* Революция как космическая мистерия : Скрыбин в романе «До и во время» В. Шарова // Владимир Шаров : по ту сторону истории : сб. статей и материалов / под ред. М. Липовецкого, А. де Ля Фортель. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – С. 550–588.
- Добренко Е.* Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. – München : Sagner, 1993. – 408 с.
- Кларк К.* Советский роман : история как ритуал : пер. с англ. / под ред. М. Литовской. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 262 с.

- Ковтун Н.* Сонечки в новейшей русской прозе : к проблеме художественной трансформации мифологемы софийности // *Literatura.* – 2011. – Vol. 53, № 2. – С. 53–70.
- Ковтун Н.В., Проскурина Е.Н., Васильев И.Е.* Проект переустройства мира и русская проза начала XX века (А. Богданов и А. Платонов) // *Сибирский филологический журнал.* – 2013. – № 2. – С. 129–140.
- Кукулин И.* Электра, сестра Палисандра : нарративы фантастического родства и их функции в романах Владимира Шарова // *Владимир Шаров : по ту сторону истории : сб. статей и материалов / под ред. М. Липовецкого и А. де ля Фортель.* – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – С. 424–447.
- Лобанова М.* Теософ – теург – мистик – маг : Александр Скрябин и его время. – Москва : Петроглиф, 2012. – 368 с.
- Луначарский А.* Человек нового мира / под общей редакцией А.И. Титова. – Москва : Издательство Агентства печати Новости, 1980. – 286 с.
- Мильдон В.* «Отцеубийство» как русский вопрос // *Вопросы философии.* – 1994. – № 12. – С. 50–58.
- Надточий Э.* Нарком небесных путей сообщения // *Владимир Шаров : по ту сторону истории : сб. статей и материалов / под ред. М. Липовецкого и А. де ля Фортель.* – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – С. 533–550.
- Оружейников Н.* Образ Ленина в художественной литературе // *Книга и пролетарская революция : ежемесячный журнал марксистско-ленинской критики и библиографии.* – 1934. – № 1. – С. 60–69.
- Попкова М.Д.* Радикализация поэтики как метафизический и политический проект // *Политизация поля искусства : исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика : монография / сост. и науч. ред. Т.А. Круглова.* – Екатеринбург : Гуманитарный университет : Кабинетный ученый, 2016. – С. 68–86.
- Реди О.* Как сделаны романы Шарова : «Репетиции» и «До и во время» // *Владимир Шаров : по ту сторону истории : сб. статей и материалов / под ред. М. Липовецкого и А. де ля Фортель.* – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – С. 396–424.
- Федякин С.* Утопия Александра Скрябина и антиутопия Сергея Рахманинова // *Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева.* – Москва : Индрик, 2016. – С. 336–358.
- Чегодаева М.* Социалистический реализм как сакральное искусство // *Русское искусство : XX век : исследования и публикации / отв. ред. Г.Ф. Коваленко.* – Москва : Наука, 2007. – С. 540–564.
- Чистов К.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. – Москва : Наука, 1967. – 341 с.
- Шаров В.* Будьте как дети. – Москва : АСТ, 2017. – 448 с.
- Шаров В.* До и во время : роман. – Москва : ArsisBooks, 2009а. – 356 с.
- Шаров В.* Между двух революций (Андрей Платонов и русская революция) // *Шаров В. Искушение революцией (Русская верховная власть). Эссе.* – Москва : ArsisBooks, 2009б. – С. 9–55.

Шаров В. «Это я: я прожил жизнь» // Дружба народов. – 2000. – № 12. – URL: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2000/12/sharov.html> (дата обращения: 02.03.2021)
Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). – Москва ; Хельсинки : Новое лит. обозрение : Каф. славистики Ун-та Хельсинки, 1998. – 685 с.

References

- Abramjan, L. (2005). Lenin kak trikster. In M.V. Ahmetova (Ed.), *Sovremennaja rossijskaja mifologija* (pp. 68–88). Moscow: RGGU.
- Bavil'skij, D. (2020). Nishi Sharova. In M. Lipoveckij & A. de Lja Fortel' (Eds.), *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii* (pp. 370–396). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Berdjaev, N. (1992). Russkaja ideja. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala XX veka. In *Mysliteli russkogo zarubezh'ja: Berdjaev. Fedotov* (pp. 43–271). Saint-Petersburg: Nauka.
- Berman, B.I. (1982). Chitatel' zhitija (Agiograficheskiy kanon russkogo srednevekov'ja i tradicija ego vosprijatija). In *Hudozhestvennyj jazyk srednevekov'ja* (pp. 159–183). Moscow: Nauka.
- Bulgakov, S.N. (1996). *Tihie dумы*. – Moscow: Respublika.
- Bykov, D., & Sharov, V. (2007, June 6). Chto sluchilos' s istoriej? Ona utonula: Vladimir Sharov o politike zaslonok, zolotom millione i jevoljucii shhuk. *Russkaja zhizn'*. Retrieved from <http://rulife.ru/old/numberin/arhiv/5/>
- Venkov, A. (2019). Obraz V.I. Lenina i ego transformacija v sovetskom hudozhestvennom kinematografe [The image of V.I. Lenin and its transformation in Soviet art cinema]. *Novoe proshloe* [The new past], (1), 32–47. doi:10.23683/2500–3224–2019–1–32–47
- Gorski Brjedli, A. (2020). Sharov i pravda, ili Put' Gogolja. In M. Lipoveckij & A. de Lja Fortel' (Eds.), *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii* (pp. 501–533). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Greshilova, A. (2018). Mify o Petre I i Lenine v proze T.N. Tolstoj. *Litera*, (4), 119–123. doi:10.25136/2409–8698.2018.4.27867
- Dimova, P.D. (2020). Revoljucija kak kosmicheskaja misterija: Skrjabin v romane «Do i vo vremja» V. Sharova. In M. Lipoveckij & A. de Lja Fortel' (Eds.), *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii* (pp. 550–588). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Dobrenko, E. (1993). *Metafora vlasti. Literatura stalinskoj jepohi v istoricheskom osveshhenii*. München: Sagner.
- Klark, K. (2002). *Sovetskij roman: istorija kak ritual*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta.
- Kovtun, N. (2011). Sonechki v novejshej russkoj proze: k probleme hudozhestvennoj transformacii mifologemij sofijsnosti. *Literatura*, 53(2), 53–70. doi:10.15388/Litera.2011.2.2700
- Kovtun, N.V., Proskurina, E.N., Vasil'ev, I.E. (2013). Proekt pereustrojstva mira i russkaja proza nachala XX veka (A. Bogdanov i A. Platonov) [The project of the

- world transformation and the Russian prose of the early 20 th century (Bogdanov and Platonov)]. *Sibirskij filologičeskij žurnal*, (2), 129–140.
- Kukulin, I. (2020). Jelektra, sestra Palisandra: narrativy fantastičeskogo rodstva i ih funkcii v romanah Vladimira Sharova. In M. Lipoveckij & A. de Lja Fortel' (Eds.), *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii* (pp. 424–447). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Lobanova, M. (2012). *Teosof – teurg – mistik – mag: Aleksandr Skrjabin i ego vremja*. Moscow: Petroglif.
- Lunacharskij, A. (1980). *Čelovek novogo mira*. Moscow: Izdatel'stvo Agentstva pečati Novosti.
- Mil'don, V. (1994). «Otceubijstvo» kak russkij vopros. *Voprosy filosofii*, (12), 50–58.
- Nadtočij, Je. (2020). Narkom nebesnyh putej soobshhenija. In M. Lipoveckij & A. de Lja Fortel' (Eds.), *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii* (pp. 533–550). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Oruzhejnikov, N. (1934). Obraz Lenina v hudožestvennoj literature. *Kniga i proletarskaja revoljucija: Ežemesjachnyj žurnal marksistsko-leninskoj kritiki i bibliografii*, (1), 60–69.
- Popkova, M.D. (2016). Radikalizacija pojetiki kak metafizičeskij i političeskij proekt. In T.A. Kruglova (Ed.), *Politizacija polja iskusstva: istoričeskie versii, teoretičeskie podhody, jestetičeskaja specifika* (pp. 68–86). Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet: Kabinetnyj učenij.
- Redi, O. (2020). Kak sdelany romany Sharova: «Repeticii» i «Do i vo vremja». In M. Lipoveckij & A. de Lja Fortel' (Eds.), *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii* (pp. 396–424). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Fedjakin, S. (2016). Utopija Aleksandra Skrjabina i antiutopija Sergeja Rahmaninova. In O.A. Bogdanova & A.G. Gacheva (Eds.), *Utopija i jeshatologija v kul'ture russkogo modernizma* (pp. 336–358). Moscow: Indrik.
- Chegodava, M. (2007). Socialističeskij realizm kak sakral'noe iskusstvo. In G.F. Kovalenko (Ed.), *Russkoe iskusstvo: XX vek: Issledovanija i publikacii* (pp. 540–564). Moscow: Nauka.
- Chistov, K. (1967). *Russkie narodnye social'no-utopičeskie legendy XVII–XIX vv*. Moscow: Nauka.
- Sharov, V. (2017). *Bud'te kak deti*. Moscow: AST.
- Sharov, V. (2009a). *Do i vo vremja*. Moscow: ArsisBooks.
- Sharov, V. (2009b). Mezhdu dvuh revoljucij (Andrej Platonov i russkaja revoljucija). In V. Sharov, *Iskuszenie revoljuciej (Russkaja verhovnaja vlast')* (pp. 9–55). Moscow: ArsisBooks.
- Sharov, V. (2000). «Jeto ja: ja prozhil zhizn'». *Družba narodov*, (12). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/družba/2000/12/sharov.html>
- Jetkind, A. (1998). Hlyst (Sekty, literatura i revoljucija). Moscow; Helsinki: Novoe lit. obozrenie : Kaf. slavistiki Un-ta Hel'sinki.